

АВТОР ИСКРЕННО БЛАГОДАРИТ:

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алекса де Клемешье, писателя и редактора направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской зоне отчуждения, за ценные советы;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калининцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Егорова, Глеба Хапусова, Александра Елизарова, Алексея Загребельного, Татьяну «Джинни» Соколову, Дениса «Морфин» Пинчука, Алексея «Медведь» Медведева, Дмитрия «Шаман» Молева, писательницу Ольгу Крамер, а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте» за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «СНАЙПЕР», «ГАДЖЕТ», «РОЗА МИРОВ» и «КРЕМЛЬ 2222».

Странное это ощущение — чувствовать себя богатым.

Только что ты был никем и звать тебя никак, и вдруг узнаешь, что ты миллионер, владелец особняка с видом на Токийский залив, а также обладатель японского паспорта, то есть полноправный гражданин Страны восходящего солнца. Случилось так, что я ненароком выполнил задание влиятельного клана якудза, при этом одновременно подсобив одной подпольной организации свергнуть правительство подземного города — и меня благодетельствовали и те и другие.

И вот сижу я, значит, за столиком ресторана, осознаю произошедшее и тихо от него офигеваю. Когда ты нищий и один против всех, мир представляется эдакой темносерой живой глыбой, нависшей над тобой. Дернись неловко — и обрушится она, придавит своей многотонной массой, словно муравья.

Но как только у тебя появляются серьезные деньги, внезапно ты начинаешь осознавать себя стоящим на вершине этой глыбы. Дышится легко, черная тень на тебя уже не давит, новые горизонты с высоты открываются. Мысли приходят на тему «а не послать ли все к чертям крυσособачьим? Осесть в домике не у речки, а у японского залива, где от тварей и сволочей разных можно отгородиться четырехметровым забором». Кстати, и прав-

да, может, съездить в этот свой особняк? Хотя бы затем, чтоб забор тот заказать на всякий случай — если, конечно, его там нет...

Вновь из недр ресторана возникла официантка. Подошла, поклонилась. Промурлыкала по-японски:

— Такси ждет вас у выхода, господин.

— Да, я помню, — сказал я на том же языке, сгребая документы со стола и запихивая их во внутренний карман своей потрепанной сталкерской куртки, которую я привез еще из Чернобыльской Зоны. И улыбнулся. Девушка была довольно милой, грех не улыбнуться, хотя я уже и не помню, когда это делал в последний раз, — аж щеки заняли с непривычки.

— А вы не будете против, если я вам оставлю чаевые? — спросил я. — Скажем, миллион-другой иен.

Девушка закаменела лицом.

— В Японии не принято оставлять чаевые, — сказала она голосом механической куклы. — Предлагая честной девушке такие деньги, вы поступаете некрасиво и противозаконно. Уходите, господин, иначе я буду вынуждена вызвать полицию.

Мысленно обозвав себя дебилом, я встал из-за стола, бормоча извинения... и внезапно почувствовал, что у меня адски зачесалась спина. Омерзительное ощущение, будто позвоночник зажил своей жизнью и решил изнутри пощекотать своими отростками мое мясо между лопаток.

И я прекрасно знал, что это такое.

Когда годами шляешься по различным Зонам Розы Миров, начинаешь чувствовать, когда в тебя целятся. И ощущение от этого именно такое — точечный кожный зуд в том месте, на которое пристально смотрит стрелок поверх прицельной планки или в перекрестие оптики. Не знаю, с чем это связано. Может, со знаменитой стал-

керской чуйкой, которая вырабатывается в той или иной степени у тех, кто умудряется долгое время выживать в аномальных Зонах. А может, от природы многие люди обладают такой чувствительностью, просто в них редко целятся, вот они об этом и не знают.

В меня целились часто, потому сейчас я точно знал — это не вошь меня куснула в хребтину. Это какая-то падла взяла меня на мушку и вот-вот нажмет на спусковой крючок...

В таких случаях думать вредно. Тут если начать размышлять, то обязательно оглянешься, попытаешься рассмотреть, кто ж там тобой столь вдумчиво заинтересовался, — и тогда точно поймаешь тушкой свинцовую пилюлю. Потому, коль случилось такое, лучше довериться рефлексам, если, конечно, таковые имеются...

Я в подобных случаях однозначно им доверяю, иначе б давно мои останки гнили где-нибудь в сырых подвалах Припяти, — и потому позволяю своему опытному сталкерскому телу делать то, что оно сочтет нужным. Правда, сейчас я краем сознания немного удивился тому, что это мое опытное тело схватило со стола хаши — палочки для еды. Хорошие, конечно, они, из тяжелого дерева, покрыты затейливым узором, но как-то не время сейчас воровать из ресторана сувениры на память...

А тело мое тем временем действовало само по себе, быстрее мыслей, которые могли бы возникнуть у меня по поводу происходящего. Резко отклонилось в сторону, одновременно веретенем разворачиваясь на сто восемьдесят... При этом рука моя неподвижно зависла в воздухе, пока тело сворачивалось наподобие пружины, а мое личное время замедлялось, как часто бывает со мной в минуты смертельной опасности...

И когда разворот этот был почти закончен, в поле моего зрения попал он. Самый обычный с виду, невзрачный японец в недорогом офисном костюме, который сейчас стоял возле своего столика, правильно расставив ноги, и вполне профессионально удерживал в обеих руках пистолет с глушителем. Думаю, мое неожиданное стремительное вращение слегка сбilo стрелка с толку, потому он немного поторопился... Ствол пистолета дернулся, но я уже знал, что пуля пройдет мимо.

А вот то, что сделала моя зависшая в воздухе конечность, было для меня в новинку.

Оказавшаяся в процессе вращения чуть ли не на затылке, моя рука вдруг стремительно распрямилась, и я успел заметить, как в сторону стрелка летят две палочки для еды, от скорости слегка расплывшиеся в воздухе.

Странно это, как бы со стороны наблюдать будто в замедленной съемке, что вытворяет твое тело без какого-либо участия разума, словно само по себе. Но еще более удивительно видеть, как оно исполняет то, что мне вообще не свойственно. С метанием ножей у меня всегда было неважно, а уж чтоб прицельно швырнуть две тонкие деревяшки — это для меня вообще за гранью.

Но мое тело это сделало! И прежде, чем оно грохнулось на пол, я увидел, как обе хасы, слегка заляпанные соусом, аккуратно так вошли в глаза стрелка, будто две невидимые руки их туда определили с исключительной точностью.

Когда человеку повреждают глаза — это не только больно. Это страшно. Ужас накрывает безумный, так как для любого живого существа лучше лишиться жизни, чем потерять зрение. Не зря же многие методики экспресс-допросов освоены именно на угрозе ослепления. В общем, завыл стрелок, пистолет бросил, замер на

месте, к лицу потянулся медленно, боясь растревожить сильнее и без того нешуточную боль.

А я, резко вскочив с пола, обернулся, так как позади себя услышал всхлип...

И увидел официантку, на белой блузке которой стремительно расплывалось алое пятно. Слишком быстро для того, чтобы у девушки был шанс выжить: когда пуля перебивает одну из коронарных артерий, это как водопровод перерубить. Кровь вытекает потоком, но сердце пока что бьется, толчками выплескивая из раны уходящую жизнь. Официантка еще стояла, слезы текли по ее щекам, но она уже знала, что жить ей осталось считанные секунды. Умиравший всегда знает, сколько ему осталось. Я умирал, я в курсе, что чувствует человек на пороге смерти.

А еще у меня самого сердце сжалось так, что впору зарорать от боли. Потому что это я был виноват в смерти девушки, которая приняла в себя мою пулю. Мои рефлексy спасли меня, но убили ее. Прости, милая, если сможешь. Сейчас ты меня уже не услышишь, так как пелена смерти стремительно туманит твой взгляд, и через мгновение ты рухнешь бездыханной на этот пол, залитый твоей кровью. Но когда-нибудь мы непременно встретимся в стране Токоё*, и я вновь повторю: прости, если сможешь...

Я много смертей повидал на своем веку, но эта — зацепила больно, будто это в меня пуля попала и, кувыряясь в моей плоти, все перевернула внутри. Я взревел так, что у самого аж уши заложило. Неведомая сила бросила меня вперед, к стрелку, приподняла в воздух — и в прыжке я ударил. Ногой по этим самым палочкам-хаси, торчащим из глаз убийцы. Я прям через подошву ощутил, как они, ломая слезные кости, с хрустом входят

* Страна Токоё — «страна вечного мира». Мир смерти, в представлениях древних японцев находящийся далеко за морем.

в мозг — а может, я себе это вообразил, так как очень хотел почувствовать, как мой удар убивает того, кто жить не достоин. Очередную нечисть, без которой планета станет немного чище.

Стрелок от страшного удара упал спиной на столик, сломал его и в облаке обломков колкого пластика рухнул на пол. Его пиджак и рубашка не выдержали мощного рывка, во все стороны полетели пуговицы, и на обнажившейся груди стрелка я увидел татуировку, похожую на прямоугольную гарду меча ниндзя, — знак клана Ямагути-гуми.

Что ж, все моментально встало на свои места. Клан выполнил обязательства передо мной, поступил честно — по их меркам, разумеется. И теперь ничто не мешало клану меня зачистить, ведь новое руководство Ямагути-гуми не обещало мне оставить меня в живых. Расплатились сполна, подождали, пока я осознаю это, и дали команду на зачистку. Очень по-японски. Небось, сидят сейчас наверху, в пентхаусе своего небоскреба, попивают саке из антикварной посуды и тащатся от того, насколько они благородные.

Все это промелькнуло в моей голове, пока я совершал кувырок в сторону стрелка, бьющегося в агонии. Потому что из-за соседних столиков вставали другие убийцы, вытаскивая из кобур скрытого ношения пистолеты с глушителями — такие же, как у незадачливого киллера, из глазниц которого торчали палочки для еды, вбитые в череп на три четверти своей длины.

Я схватил пистолет, валяющийся на полу, и вклепил пулю прямо в лоб стрелку, пытающемуся поймать меня на мушку. Ты не в тире, родной. Когда пытаешься убить сталкера, целиться надо быстрее.

Правда, после этого пришлось срочно перекатиться еще раз, так как в то место, где я только что лежал, уда-

рили сразу две пули. Честно говоря, елозить спиной по осколкам пластикового стола занятие довольно болезненное. Но если сравнивать эти ощущения с пулей, врывающейся в твою тушку, то хрен с ним, потерплю, благо сталкерская куртка одежда толстая, рассчитанная и на более крутые передраги.

По полу застучали подошвы — киллеры потеряли меня из виду, так как я под стол закатился. Побежали в мою сторону, стреляя в этот стол...

Это они зря, так как я ужом уже под другой заполз. И, скрючившись под ним, выстрелил четыре раза. Два по ногам и — когда жаждущие моей смерти убийцы попали на пол — по головам.

Вроде все.

М-да. Можно, конечно, пожать плечами, мол, и кого только в якудзу набирают? Дилетантов каких-то. А можно объективно признать, что сегодня мне просто повезло. Один стрелок решил, что он круче остальных, и, получив приказ открыть огонь, начал стрелять на пару мгновений раньше других... Не реши он выпендриться и начни эти трое стрелять одновременно, никакая сталкерская чуйка меня бы не спасла. От одной пули при моих навыках еще, может, и реально уклониться. Но уйти от трех, выпущенных одновременно из разных точек, — это уже из области совершенно ненаучной фантастики.

Я вскочил на ноги. Блин...

По ходу, это уже прям моя визитная карточка — трупы, лужи крови, разломанная мебель, пробитые пулями стекла витрин... Кто-то картины рисует, кто-то дома строит. А я — убиваю живых существ, разрушаю чьи-то судьбы и порой даже уничтожаю целые вселенные. И на фига мне сдалось такое Предназначение? Вон девчонка лежит, мертвая, открытые глаза смотрят в пустоту. Не

было б меня, так бы и работала официанткой, замуж вышла, детей нарожала...

Стоп.

Пока я ее пустые глаза рассматривал, оказывается, краем глаза еще что-то уловил. А именно — буквально на полсантиметра высунувшуюся из-под ее окровавленной блузки рукоять пистолета. Если не приглядываться, и не заметишь. А заметив, не сразу осознаешь, что возле небоскреба клана Ямагути-гуми вряд ли есть хоть одно заведение, в котором работают не члены якудзы. Скорее всего, аккуратно пристрелила б меня в затылок, когда я направился бы к выходу из ресторана, — не зря ж дважды напомнила, что мне пора уходить, но все карты спутал выскочка-дублер, решивший отличиться. В таком случае что же за такси ждет меня возле выхода?

Додумать я не успел. На поле боя думать вообще вредно, иначе будет как сейчас со мной...

Первая пуля прилетела с улицы, ударила в витрину ресторана, разнеся ее на тысячи осколков. Это только в плохом кино снайперы стреляют сквозь стекла и той же пулей поражают цель. При ударе в стекло пуля либо разлетается на фрагменты, либо, деформированная, меняет траекторию. Потому, стреляя сквозь прозрачную преграду, за которой маячит цель, хороший снайпер жмет на спуск дважды. Первая пуля — для стекла, вторая — для цели.

Витрина еще осыпалась на пол сверкающим дождем, а я уже понял, откуда работает снайпер. Разумеется, из люльки мойщика окон, висящей в районе пятого этажа соседнего здания.

Достать его из пистолета с четырехсот метров было задачей нереальной. Потому оставалось только одно.

Я ринулся к выходу из ресторана, петляя между столиками и мысленно стараясь поймать своей внутренней чуйкой линию прицела, которую сейчас выстраивал снайпер между оптикой своей винтовки и той точкой, в которой окажется моя тушка после того, как пуля покинет канал ствола и пролетит через улицу. Это называется упреждение, и искусство хорошего стрелка состоит в том, чтобы верно рассчитать ту самую точку, в которой бегущая цель встретится со своей смертью.

И оно случилось!

Я не увидел, да это было и невозможно. Я прям позвоночником, всем своим существом почувствовал, как снайпер на середине своего выдоха плавно нажимает на спуск, — и резко остановился. Там, в люльке, еле слышно хлопнуло, словно кто-то за полкилометра кому-то пощечину отвесил. Ночная улица утробно урчала двигателями автомобилей — в Токио ночью движение почти такое же оживленное, как и днем, — но я все равно тот хлопок услышал. Ухо, в которое должна влететь пуля, в таких случаях обретает слух просто феноменальный.

А потом я ту пулю еще и увидел. Точнее, не ее саму, а инверсионный след от нее, преломление света в воздухе, который свинцовый цилиндр рассек в двадцати сантиметрах от моего носа. Эффект мгновенный, но достаточный, чтобы понять — стрелок на той стороне улицы хорошо знал свое дело. И будь на моем месте кто-то другой, он бы уже падал сейчас на пол, заляпанный чужой кровью, дополнительно обильно поливая его своей.

Но я тоже неплохо знал наше с тем снайпером общее дело. Потому, не дожидаясь следующего выстрела, рванул с места, перекатился, «гусиным шагом» прошел вдоль бокового ряда столов и стульев, прикрывших меня от стрелка, одновременно стреляя из пистолета в сте-